

А.М. СУНГУРСКИЙ

ДВЕРЬ НА СТАРОМ ПЛАНЕ

А.М. Сунгурский

Дверь на старом плане

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Дверь на старом плане / А. Сунгурский — «Автор», 2026

При ремонте старого дома в Торжке под лестницей находят человеческие останки. В этом доме уже убивали: в 1996 году погибла Вера Левшина, а молодой рабочий Павел Ракитин вскоре исчез. Тридцать лет его считали скрывшимся убийцей. Следователь Лидия Ветлицкая возвращается к прежнему делу. Архитектор Андрей Снегирёв помогает восстановить дом, в котором всё произошло: прежние лестницы, кухни и проходы. Оказывается, старые показания читали, представляя совсем другую планировку. Теперь нужно заново проверить давнее алиби и понять, кому понадобилось, чтобы одного погибшего считали убийцей другого. Но за каждой дверью остаются люди, для которых правда изменит всю прожитую жизнь.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Нижняя ступень	5
Глава 2. Мужчина, который уехал	9
Глава 3. Четыре квартиры	13
Глава 4. Чужая мать	17
Глава 5. Папка с тесёмками	21
Глава 6. Незаконченный ремонт	24
Глава 7. Сын Веры	28
Глава 8. Тот берег Тверцы	32
Глава 9. Неоплаченная поездка	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

А.М. Сунгурский

Дверь на старом плане

Глава 1. Нижняя ступень

Сначала Андрей Снегирёв решил, что рабочий нашёл кошку.

— Не трогай, — сказал он.

Анатолий уже положил лом на пол. Он стоял на коленях у нижнего лестничного марша, опираясь ладонью на мешок с обломками штукатурки. Вчера здесь сняли разошедшуюся облицовку, сегодня собирались открыть примыкание деревянной лестницы к кирпичному основанию. Работа была неприятная, пыльная, вполне понятная. Андрей приехал посмотреть, куда уходит трещина.

— Я и не трогаю.

Анатолий повернулся боком, освобождая узкую полосу света. Между стеной и расколотой доской виднелся носок ботинка. Матовая коричневая кожа, отставший рант. Выше началось что-то серое, провалившееся внутрь, с круглым отверстием у края.

Андрей присел, не наступая на кирпичную крошку. Заглянул в щель и выпрямился.

— Выйди отсюда, Толь.

— Человек?

— Выйди, пожалуйста.

В соседней комнате работало радио. Женщина рассказывала, как правильно хранить поздние яблоки. Андрей услышал эту деловитую речь с такой отчётливостью, будто она приблизилась к самому уху. Он прошёл в комнату, выключил приёмник и попросил второго рабочего ничего не переносить через прихожую.

— Даже мешки?

— Ничего. И сюда пока не заходи.

Дверь на улицу они оставили открытой. Октябрьский воздух проходил под потолком, шевелил обрывок плёнки на косяке. Дом стоял в Торжке, на короткой улице, с которой Тверца не была видна, хотя люди, объясняя дорогу, всякий раз говорили: «Это над рекой». Внизу ещё темнела мокрая трава; над крышами начиналось чистое холодное небо.

Андрей позвонил в экстренную службу. Назвал место, объяснил, что при ремонте обнаружены предположительно человеческие останки. Диспетчер задала вопросы, на которые он отвечал, глядя на связку старых выключателей у двери. Он не стал возвращаться к лестнице, чтобы уточнить положение головы или количество костей. Сообщил, что увидел, и попросил рабочих ждать снаружи.

В десять шестнадцать подъехал хозяин нижнего помещения.

Кирилл Зорин вышел из машины с бумажным стаканчиком в руке. На заднем сиденье лежали длинные деревянные рейки, завернутые в одеяло. Он собирался сделать в бывших квартирах мастерскую: не производство с гудящими станками, а место для небольших заказов и занятий. Три месяца спорил с соседями о шуме, переделывал смету, отказывался от того, что ещё весной казалось необходимым. Лестницу оставляли общей, жилыцы верхнего этажа должны были ходить мимо его двери.

— Что там у нас? — спросил Кирилл.

Андрей перехватил его прежде, чем тот поднялся на крыльцо.

— Под лестницей нашли человека. Давние останки. Полиция едет.

Кирилл посмотрел на рабочих. Анатолий держал в руке пачку сигарет и никак не мог вытащить одну.

— Под нашей?

— Под нижней частью. Там закрытая полость. Мы дальше не открывали.

Стаканчик у Кирилла смялся; крышка приподнялась, кофе потёк ему на большой палец. Он переставил стаканчик в другую руку, словно это требовало всей его внимательности.

— Вы уверены?

— Достаточно, чтобы остановиться.

— Там когда-то уголь был, — сказал Кирилл. — Я помню. Или мне рассказывали. Не знаю.

Андрей не стал спрашивать сразу. Он отобрал пустеющий стаканчик, поставил на ограду и подвёл Кирилла к скамейке у соседнего палисадника. Тот не сел.

— Мне наверх позвонить надо. Люди сейчас придут.

— Позвони. Пусть пользуются задним входом, если он открыт. Через эту прихожую пока нельзя.

— Сзади на второй этаж есть отдельный вход. Там Зоя Васильевна, ей по наружной лестнице тяжело.

— Тогда скажи тем, кто приедет. Они решат, как её провести.

Кирилл кивнул и достал телефон. Несколько секунд держал его перед собой, не нажимая на экран.

Когда Лидия Ветлицкая вошла в дом, рабочие уже стояли за оградой. Один рассказывал другому что-то быстро и сердито; при её появлении замолчал. За спиной Лидии шёл Артём Курочкин. Он остановился у двери, предложил Анатолию показать, где тот стоял, и сразу добавил, что внутрь вместе с ним идти пока не надо.

Андрей представился, назвал свою работу. Лидия попросила его описать последовательность с самого утра.

Она не перебивала. Изредка задавала короткий вопрос: кто был первым; кто снимал доску; куда положили инструмент. Когда Андрей дошёл до звонка, она посмотрела на время в его телефоне, записала и вернула аппарат.

— Документы по дому у вас?

— Обмеры этого года. Есть копия старого плана из пакета собственника.

— Не раскрывайте пока здесь. Позже покажете.

— Я могу объяснить, почему вскрывали.

— Объясните. Только сначала — что вы успели сделать после находки.

Андрей заметил, что отвечает ей слишком подробно, будто уже защищает свой проект. Он замолчал, собрал порядок действий и повторил его короче. Лидия выслушала без одобрительного кивка. От этого стало легче: похоже, сейчас ей действительно был нужен порядок, а не человек, которого можно похвалить за правильное поведение.

У лестницы работали специалисты. В прихожую больше никого не пускали. Снаружи топталась пожилая соседка в бордовом пальто; она успела выйти к аптеке и теперь боялась, что её не пустят домой. Артём нашёл Кирилла, выяснил, куда ведёт задний вход, и договорился о проходе на верхний этаж. Соседка потребовала сначала вернуть ей сумку с лекарствами, которую оставила на табурете внизу.

— Там и холодильника никакого нет, — сказала она. — Чего вы мне говорите «не переживайте»? Вы сумку принесите.

Артём перестал говорить «не переживайте» и уточнил цвет сумки.

Кирилл наблюдал за ними, прислонившись к ограде. Андрей подошёл и спросил, кому ещё нужен проход через дом.

— Наверху Зоя Васильевна и её квартиранты. Внизу я пока один. Вечером из кружка дети должны были прийти посмотреть. Отменю.

— Отменяй.

— Там же не вчера это случилось?

Андрей покачал головой.

— Я не могу тебе сказать.

— Да я понимаю. Я не про экспертизу.

Кирилл смотрел на верхние окна.

— В детстве мне всё казалось, что у нас огромный дом, — сказал он. — Потом вернулся — комнаты маленькие. А сейчас опять огромный.

Лидия вышла на крыльцо и позвала Кирилла. Он поставил телефон на беззвучный режим и подошёл.

— Назовите, пожалуйста, полное имя.

— Зорин Кирилл Борисович.

— Вы здесь жили?

— До восемнадцати лет. Потом в Твери. Сейчас вот решил вернуться с работой.

— С семьёй?

— С семьёй мы в другом месте. Здесь мастерская будет.

Лидия спросила о ремонтах, прежних владельцах, людях, которые могли знать устройство лестницы. Кирилл назвал несколько фамилий. На одной остановился.

— Золотов. Геннадий Золотов. Он ту лестницу переделывал. В девяностые. Только я не знаю, жив ли.

— Запишите всё, что помните. Отдельно отметьте, что видели сами, а что слышали потом.

Кирилл забрал предложенный лист, но не начал писать.

— Здесь в девяносто шестом уже было убийство.

Андрей поднял голову. Лидия не изменилась в лице.

— Кого убили?

— Мою мать. Веру Левшину. Наверху.

Где-то через два дома заскрипела калитка. Женщина вывела на поводке тяжёлую старую собаку, та легла посреди тротуара и отказалась идти. Женщина уговаривала её так, как уговаривают знакомого упрямого человека.

— И кто вёл дело? — спросила Лидия.

— Руднев. Михаил... отчество не помню. Мы потом уже почти не общались.

— Убийцу нашли?

— Решили, что это парень из бригады. Павел Ракитин. Он пропал. Говорили, уехал, а он...

Кирилл обернулся к двери. Увидеть лестницу отсюда было нельзя.

— Вы сейчас ничего не знаете о человеке внутри, — сказала Лидия.

— Я знаю.

Она подождала.

— Нет, — сказал он. — Вы правы. Не знаю.

Лидия попросила его не уходить и отошла к Артёму. Они поговорили у машины так тихо, что Андрей не слышал. Потом Артём записал названную фамилию, спросил у Кирилла про родственников Павла.

— Сестра была. Марина. Они не в этом доме жили. Она моложе нас... моложе него. Я её тогда знал плохо.

— Сколько Павлу было?

— Двадцать с чем-то. Мне десять. Для меня он взрослый был.

Кирилл наконец сел. Лист, который дала Лидия, он положил себе на колени. Сначала написал одну фамилию, зачеркнул её, написал другую. Андрей отвернулся, чтобы не смотреть через плечо.

В телефоне у Кирилла зазвонило.

— Да, мам, — ответил он и почти сразу добавил: — Ты пока не приезжай.

Лидия ещё не успела отойти далеко. Она остановилась у машины.

— Ничего со мной не случилось, — сказал Кирилл. — С людьми тоже. То есть... Ты меня послушай сначала.

Он встал и пошёл вдоль ограды, закрывая свободное ухо ладонью. Андрей слышал только обрывки: «работы остановили», «не надо на автобус», «я сам». Потом Кирилл замолчал надолго.

Лидия вернулась к нему, когда разговор кончился.

— Мама? — спросила она.

— Тётя. Галина Зорина. Она меня вырастила.

— Она жила здесь вместе с вами?

— Да. Внизу. Мать наверху жила отдельно, когда возвращалась. У нас сложно всё было.

— С Галиной можно поговорить сегодня?

— Можно. Она сама приедет, если не удержу.

— Не удерживайте ради нас. Но сюда ей пока действительно не нужно.

Кирилл поднял с колен лист. Рядом с фамилией подрядчика он уже успел написать: «Тамара Лосева. Знает, где стояла кухня».

Лидия посмотрела на эту строку.

— А сейчас она где?

Кирилл не сразу понял.

— Тамара?

— Кухня.

Он показал на первое окно слева от входа. Андрей вслед за его рукой посмотрел на стену, за которой сейчас лежали рейки для будущих столов.

— Это новая, — сказал Кирилл. — Наша с другой стороны была.

С крыльца его снова позвали. Кирилл оставил лист Андрею, чтобы не мять, и пошёл, держась ближе к ограде. Тот сложил бумагу пополам и передал Лидии.

В доме больше не работало радио. Было слышно, как наверху соседка ставит свою спасённую аптечную сумку на пол и дважды поворачивает ключ в замке.

Глава 2. Мужчина, который уехал

Марина Ракитина пришла с пустыми руками и сразу предупредила, что опоздает на работу.

— Мне сказали на полчаса. Я могу на полчаса. Если больше, я позвоню, но лучше сейчас скажите.

Лидия показала на стул.

— Мы ещё не знаем, сколько понадобится.

— Тогда я позвоню.

Марина не стала отходить. Набрала номер, объяснила сменщице, что задержится. Говорила о получении коробок, о женщине, которая опять потребует выдать посылку мужу без его присутствия, о неисправном доводчике. Закончив, положила телефон экраном вниз.

— Всё. Теперь можно.

Ей было сорок пять. Светлые, неровно подстриженные волосы она заколола над левым ухом двумя чёрными заколками. На запястье остался синий след от резинки. Лидия заметила, как Марина провела по нему пальцем, потом спрятала руку под стол.

— Вам объяснили, почему мы вас пригласили?

— Под лестницей нашли кости. Брат мой работал в том доме. Пропал. Хотите понять, он или нет.

— Да. Предположение требует проверки.

— Я понимаю слова «предположение» и «проверка». Вы ими меня щадить не старайтесь. Просто скажите, что нужно.

Лидия спросила о полном имени Павла, годе рождения, ближайших родственников. Записала, что родители умерли, других братьев и сестёр нет. Марина произносила даты ровно, пока не дошла до матери. Тут запнулась, достала телефон, открыла календарь. На экране высветился нынешний октябрь.

— В семнадцатом. В мае. Число потом уточню.

— Сейчас оно не требуется.

— Всё равно уточню. Я в таких вещах не люблю «примерно».

Лидия объяснила, что установление личности нельзя заменить узнаванием обуви или одежды. Потребуется необходимые исследования, сравнение, время. Марина кивнула. Слово «родство» она выслушала с едва заметным облегчением: ей предлагали сделать что-то, а не только ждать.

— Фотографии есть? — спросила Лидия.

— Дома. В телефоне одна, но это я с бумажной снимала. Дедовская камера тогда всё белила, глаза не разберёшь.

— Пришлётё или принесёте оригинал. Если сохранились сведения о лечении, старых травмах, тоже скажите. Для специалистов, не для меня на память.

— У него рука была сломана. В детстве. Правая, здесь.

Марина показала на своё предплечье.

— Или левая? — произнесла она и рассердилась. — Вот уже началось. Я ведь точно помнила, пока вы не спросили.

— Запишем, что сторона требует уточнения.

— У нас снимка не осталось. Мама всё перебирала после его... после того как он пропал. Она ждала, что спросят. Потом перестала ждать и всё равно хранила.

Лидия отложила ручку.

— Расскажите, когда вы видели Павла в последний раз.

Марина посмотрела на закрытую дверь. За ней кто-то шёл по коридору; шаги приближались, остановились у соседнего кабинета и исчезли в скрипе петель.

— В субботу. Я уже сто раз говорила. Он не в пятницу исчез, как потом писали. Утром в субботу дома был.

— В субботу девятнадцатого октября?

— Да. У нас отец в тот день на смену раньше ушёл. Я к подружке собиралась, а Пашка на табурете сидел, шнурок менял. Всё из-за обуви. Он их на рынке купил, ботинки эти, и маме сказал, будто ему за работу выдали. Мама радовалась, что хоть фирма приличная. Какая фирма, три человека с одной пилой.

В её голосе появилась привычная насмешка. Не украшение рассказа, а движение старого спора, в который она могла вернуться без подготовки.

— Куда он собирался?

— За деньгами. Ему недодали. Он всё говорил, что в субботу расчёт, потом начнёт в другом месте. Я попросила на кассету. Он дал, но меньше, чем обещал. Я на него надулась. Последнее, что ему сказала, — «жадина».

Лидия ждала. Марина потянула к себе телефон, перевернула и опять положила экраном вниз.

— Только не надо говорить, что он не обиделся. Вы его не знали. Он очень даже мог обидеться. Он сам над всеми шутил, а над ним нельзя было.

— Хорошо.

— Что — хорошо?

— Я не буду вам говорить, как он должен был чувствовать.

Марина отвела глаза.

— К кому он пошёл за деньгами? — спросила Лидия.

— В тот дом. Кому-то там Вера была должна, кто-то Вере, подрядчик всем. Я тогда не разбираюсь. Пятнадцать лет, мне главное кассета. Мама потом сказала, что Пашка с Верой поругался и она его обвинила, будто он у неё украл. Но мама это не слышала сама. Отец от кого-то принёс.

— Об убийстве Веры вы знали, когда он выходил?

— Я — нет. Он знал.

— Откуда вы это знаете?

Марина замолчала.

— Потом узнала. Из того, что говорили. Нет, подождите.

Она прикрыла глаза, будто собиралась уснуть на несколько секунд.

— Мама ему сказала: «Сиди дома, раз такое дело». Он ответил: «Мне что теперь, за свой счёт сидеть?» Я решила, на работе что-то случилось. Станок сломали. Он часто ругался, что чужую глупость из его денег вычитают.

— Мама знала про Веру?

— Наверное. Я сейчас не хочу за неё отвечать. Её потом допрашивали, всё должно быть записано.

Лидия сделала пометку. Первичные показания ещё предстояло получить. В короткой карточке о неизвестном исчезновении, которую успели найти, стояли лишь имя, возраст и год; слово «разыскивается» не рассказывало, кто, когда и зачем перестал его искать.

— Раньше он надолго уходил без предупреждения?

— Да. Мог у друзей ночь провести. Мог с девчонкой уехать, а мама у нас по окнам ходила. Так что я в первые сутки даже не думала. Потом приехали к нам. Спросили про деньги. Про вещи. Про него так говорили, будто он уже всё сделал, а мы мешаем адрес назвать.

— Кто приезжал?

— Руднев. Ещё двое, фамилии не помню. Только Руднев не орал. Он даже чаю попил. С отцом за столом, а отец потом чашку на пол швырнул. Не в него, потом, когда уехали. Сказал, за одним столом с ним сидел, как человек, а он сына убийцей делает.

— Павел брал с собой вещи? Сумку, документы?

— Документы носил. Сумки не было. Вот это я помню. В дорогу так не собираются.

— Раньше вы говорили именно так?

Марина подняла голову.

— Что он не мог уехать? Да. Я много чего говорила. А отец потом объяснил, что уехать можно и с пустыми руками, если припрёт. И я перестала спорить. Понимаете, удобнее было думать, что он где-то живёт. Хоть виноватый, хоть чужой, но живёт. Мама до последнего не давала замок сменить. «Он ключом откроет». Мы уже ту квартиру продали, а ключ всё лежал.

Лидия посмотрела на время. Полчаса почти прошло.

— Вы можете задержаться ещё немного?

— Могу. Я же позвонила.

— Кто вам сообщил про сегодняшнюю находку?

— Бывшая соседка. У неё племянник с вашими рабочими знаком. Там уже половина города решила, что Пашка. Я ей сказала, чтобы не смела матери на могиле рассказывать. Дурацкая фраза, да? Но сказала.

Марина усмехнулась, не дожидаясь ответа.

— Если окажется, что это другой человек, — произнесла Лидия, — мы сообщим вам об этом так же прямо.

— А если он, скажете, когда умер?

— Попытаемся установить. До или после событий в доме, насколько позволят материалы. Точное число обещать не могу.

— Мне число и не надо. Мне нужно понять, он ходил потом где-то или всё это время...

Она остановилась и потёрла большим пальцем край стола.

— Нет. Число тоже надо. Я сейчас много говорю, вы всё подряд не воспринимайте как просьбу.

Лидия записала номер телефона, по которому Марина хотела получать известия. Рабочий не подошёл: к её столу приходили люди, звонки принимала сменщица. Домашнего не было. Марина потребовала записать ещё один, мужа, если сама окажется недоступна.

— Ему можно сказать, что вы меня ищете. Что именно выяснили — сначала мне. Он у меня хороший, но начнёт готовить слова.

— Поняла.

— Вы правда поняли или у вас положено так отвечать?

— Я запишу: сначала вам.

Марина проследила, как она пишет, и встала.

У двери задержалась.

— А вещи там есть?

— Есть остатки одежды. Сейчас с ними работают специалисты.

— Если ботинки, то коричневые должны быть. Он их кремом мазал, хотя мы смеялись, что там кожи меньше, чем картона. Только я понимаю, это ничего не доказывает.

Лидия не сказала, что видела коричневый носок ботинка под лестницей. Не спросила, были ли на нём шнурки. То, что человек способен узнать дорогую ему вещь, ещё не делало узнавание надёжным.

— Найдите дома фотографию, — попросила она. — И сохраните всё, что осталось от прежних обращений. Не выбирайте только важное на ваш взгляд.

— У меня папка. Я её после мамы забрала, но не читала. Всё собиралась.

— Принесёте?

Марина кивнула и вышла.

Через несколько минут позвонил Артём. Он ещё оставался у дома, выяснял, кого можно найти из старых жильцов.

— Сестра пришла? — спросил он.

— Только что ушла.

— Тут уже имя по двору ходит. Хозяйка наверху говорит: «Ракитин нашёлся». Попросил пока так не говорить.

— Попроси ещё. И людей, которые помнят его последнюю неделю, запиши отдельно. Без общей беседы у забора.

— У забора у нас уже съезд историков. Один помнит, как дом построили, хотя младше дома лет на семьдесят.

— Он там жил в девяносто шестом?

— Нет. Поэтому выступает увереннее всех. Найду тех, кто жил.

Лидия поблагодарила его. Открыла найденную карточку исчезнувшего. Строка «ушёл из дома и не вернулся» была напечатана так бледно, что слово «дома» почти пропало. Внизу от руки добавили: «Возможно скрывается».

Она не зачеркнула эту запись и не обвела. Положила рядом чистый лист и написала дату последнего появления, названную Мариной. Потом отметила, что дата требует сверки с первоначальными показаниями.

В коридоре появился сотрудник с двумя туго стянутыми папками. Старое дело привезли раньше, чем обещали. Лидия освободила стол, и на пол упал листок с номером Ильи — тот оставил ей записку утром, хотя номер был давно в телефоне. На обратной стороне он нарисовал сковороду и написал: «Завтра. Восемь. Если позже — разогреем».

Она подняла листок, положила в сумку и принялась развязывать тесёмки.

Глава 3. Четыре квартиры

К утру у входа в дом появился листок: «Ремонт временно приостановлен. Проход на второй этаж со двора». Кирилл написал его от руки и прикрепил прозрачной лентой с четырёх сторон, но ветер всё равно нашёл угол.

Андрей прижал бумагу ладонью.

— Вывеску бы жёсткую, — сказал он.

— Сделаю. Сегодня заберу у ребят пластик.

Кирилл держал пакет с булочками. Пакет был надорван: видимо, покупал на ходу. Он протянул его Андрею, и тот взял одну, хотя есть не хотелось.

— Рабочим заплатил за простой? — спросил Андрей.

— Пока за вчера. Они не виноваты.

— Я вечером посчитаю, какие работы можно перенести в другое помещение. Лестничную часть не трогаем.

— Давай. И про ступени наверху отдельную бумагу сделай. Зоя Васильевна говорит, ты всё запретил.

— Я запретил таскать там материалы и водить экскурсии. У неё с квартирантами временный проход согласован, по одному. Для ремонта наружной лестницы всё равно надо было готовить решение. Теперь раньше займёмся.

Кирилл выдохнул.

— Я ей именно так и говорил. Она мне не верит, думает, я хочу её выселить, чтоб дом целиком купить.

— Ты хочешь?

— Нет. Мне и половины оказалось много.

Из-за угла вышла Лидия. На ней было короткое тёмное пальто, в руке — папка, ещё не раздувшаяся от бумаг. Артём приехал раньше и разговаривал во дворе с жильцами. Вчерашние работы у находки закончились поздно; теперь доступ в нижнее помещение оставался ограничен, и Лидия заранее уточнила, куда они могут пройти.

Андрей встретил её на крыльце. Кирилл предложил булочку и ей. Она поблагодарила, отказалась, потом спросила, когда хозяин вернётся с нужными документами.

— Через час. Могу раньше.

— Не торопитесь за рулём. Сначала заберите всё, что мы перечислили.

— Я пешком. У меня теперь три точки в двухстах метрах, а машина под окнами стоит.

Он посмотрел на дом и убрал пакет в сумку.

Внизу пахло открытым старым деревом. Пыль со вчерашнего дня осела, но в полосе света всё ещё плавали отдельные ворсинки. Часть пола у лестницы была закрыта; Андрей не подходил к ней. Он разложил нынешний обмер на складном столе в будущей мастерской.

— Давайте сначала без дат, — сказал он. — Чтобы у нас одинаковые слова были.

Нарисовал от руки прямоугольник, обозначил улицу сверху, двор снизу.

— Мы сейчас здесь, внизу. Две прежние квартиры объединили. Уличный вход общий, лестница в восточной части дома. По ней попадаешь в проход наверху. Раньше сверху тоже были две квартиры. Теперь одна большая, хозяйка и квартиранты занимают разные комнаты.

— Номера?

— Внизу первая и вторая. Наверху третья и четвёртая. На старых бумагах так. В новых номера помещений уже свои. Я их сейчас не буду смешивать.

Лидия перевернула свой лист, чтобы он лежал той же стороной.

— Вера в третьей?

— Да. Западная половина верхнего этажа. Галина с Кириллом — под ней, в первой. Тамара Лосева — рядом, во второй.

— А четвёртая?

— У неё владельцы менялись. Кирилл сказал, часть комнат тогда пустовала, часть использовали ремонтники. Нужно по документам и людям выяснять.

Он остановился, ожидая вопроса. Лидия посмотрела не на схему, а на окна комнаты.

— Из второй квартиры переднюю лестницу видно?

— Из дверного проёма — часть прохода. Но дверь не там, где сейчас. Перегородок больше нет.

— Мне нужно понять, что мог видеть сидящий человек.

— Тогда понадобится не только план. Место кресла, мебель, открыта ли дверь. И что именно он утверждает, будто видел.

— Утверждала. Женщина.

Андрей поднял карандаш, как будто хотел сделать пометку, потом положил.

— Можем потом обозначить прежние стены на полу. Не угадывать сегодня всё разом.

Лидия кивнула. Ей понравилось, что он не взялся сразу превращать старую квартиру в точную машину наблюдения. На чертеже обзор мог оказаться простым, в жизни перед ним стоял шкаф, на ручке висел халат, дверь двигалась от сквозняка.

Андрей показал наружную лестницу на дворовой стороне. Она поднималась к застеклённому длинному коридору второго этажа.

— Это галерея. Когда-то открытая. Теперь стены, окна, дверь с торца. Под общей крышей.

— Из неё входили в квартиры?

— Сейчас в одну. Раньше были дворовые кухонные двери в обе верхние. По крайней мере, так нарисовано на старой копии.

— Она у вас?

Он достал сложенный вчетверо лист. Бумага была новой, тонкой, рисунок — плохой копией с плохой копии. Верхний левый угол отсутствовал. Внизу от руки стояло: «Обмерный план. 1996». Другая рука, синей ручкой, добавила номер приложения.

Лидия положила рядом фотографию листа из старого дела. Копии были похожи, но не одинаковы: на её снимке сохранилась длинная штриховая линия, обрывавшаяся у края Андреевой бумаги.

— У нас тоже есть, — сказала она.

— Оригинал нужен. Здесь половина обозначений исчезла.

— Это может быть тот же лист, только переснятый?

— Может. Может быть приложение к другому документу. Я пока не знаю, кто и когда подписал слово «обмерный».

— Почему спрашиваете?

Андрей показал на прямоугольник лестницы.

— Потому что эта часть сделана не так. Можно решить, что потом переделали. Но можно и иначе: на листе то, что только собирались сделать. Без заголовка и пояснений мне выбирать нельзя.

Лидия посмотрела на условные ступени. В её папке этот чертёж лежал рядом с поздней справкой о состоянии дома. Вчера она увидела год и мысленно поместила его перед событиями октября. Теперь переложила лист в отдельный прозрачный карман.

— Оригинал запросим. Где он должен храниться?

— Сначала выясним, откуда копировали. Кирилл брал пакет прежних владельцев. Возможно, у хозяйки сверху есть своя версия. Она дом покупала позже и бумаги собирала дотошно.

Они вышли во двор. Артём встретил их у калитки. У него на листе уже стояли три номера телефона, два были обведены.

— Зоя Васильевна готова говорить, только просит не в обуви, — сообщил он. — А Золотов жив. Очень жив. Сказал, что двадцать лет стройкой не занимается и отвечать за покойников не нанимался.

— Он знал, о ком речь?

— Про находку знает. Про старое убийство сам спросил: «Вы опять Левшину поднимать будете?» Номер записал, придет, говорит, когда найдёт время.

— Уточни время ещё раз.

— Уточню. Он, кажется, привык, что люди на это отвечают «как вам удобно».

Андрей не стал подниматься вместе с Лидией по наружной лестнице. Попросил идти по одному и держаться за поручень, сам остался внизу, пока она дошла до площадки. Затем поднялся следом. Артём задержался у машины, чтобы позвонить подрядчику.

Галерея оказалась тёплой, неожиданно домашней. У стены стояли пустые банки, старая детская коляска, корзина с луковицами цветов. На окне висела бумажная птица с красным клювом, ниткой привязанная к ручке рамы. Андрей разглядел карандашный глаз и крыло, склеенное из двух разных листов.

Зоя Васильевна впустила их через кухню. Ей было за семьдесят; вчерашнее бордовое пальто висело на гвозде поверх чистого фартука. Она сразу предложила бахилы. Андрей достал сменные тапочки из пакета. Хозяйка удивилась и едва заметно смягчилась.

— Вот человек, — сказала она. — Остальные думают, в старом доме и пол мыть не надо.

Она купила верхние помещения в начале двухтысячных, сначала одну половину, потом вторую. Соединили не сразу: спорили о проходе, делили отопление, ждали, пока съедет прежний жилец. Галерею закрыли от ветра. На её памяти никто не считал это возвращением тайного входа: дворовая лестница стояла всегда, люди носили по ней банки, мешки, дрова, когда прежнее отопление ещё требовало больше хлопот.

— Про девяносто шестой я вам не расскажу, — предупредила она. — Мне рассказывали, конечно. Каждый по-своему. От меня лучше бумаги берите.

Из шкафа она вынула папку на молнии. Внутри лежали договоры, квитанции, схемы, даже инструкция от газовой плиты, которой давно не было. Зоя Васильевна не дала смешивать стопки.

— Эти с покупкой. Эти с переделкой. А эти мне прежняя хозяйка отдала, я ни за один год не ручаюсь.

Лидия посмотрела на Андрея: он уже убрал руку от соблазнительной пачки старых чертежей.

— Вы нам позволите сделать копии? — спросила она.

— Позволю. Только вернёте по порядку. У меня сын один раз помогал — я потом месяц искала акт.

Плохой лист с подписью «обмерный» нашёлся в третьей стопке. На обороте был след от скрепки, не совпадавший со следом на остальных бумагах. Андрей рассмотрел его у окна, затем положил обратно.

— С него копировали Кириллу?

— Не знаю. Наверное. Он у меня фотографировал. Я ему сказала, что по фотографиям стены не стройте, а он смеётся.

— Правильно сказали.

Зоя Васильевна предложила чай. Лидия отказалась, но попросила стакан воды. Пока хозяйка ходила к кувшину, Андрей провёл взглядом по кухонной стене. Под ровной краской угадывалась вертикальная полоса, заканчивавшаяся ниже потолка.

— Здесь прежде дверь была? — спросил он.

— В комнату. Когда две квартиры были. А вам какая нужна?

— Пока все, — ответил он и тут же поправился: — Все, которые есть на документах. Чтобы не выдумать лишнюю.

Когда они спустились, Кирилл уже вернулся. Принёс папку и жёсткую белую пластинку для объявления. На пластинке аккуратно напечатал тот же текст, что на бумажном листке, но внизу добавил свой телефон.

— А это обязательно? — спросила Лидия, указав на номер.

— Пусть мне звонят. Я же людей пригласил, я и отменяю. Не рабочим отдуваться.

Он приложил пластинку к ограде, прищурился и попросил Андрея подержать ровно. Лидия стояла рядом с двумя копиями старого плана. На обеих было нарисовано четыре квартиры, но ни одна не показывала, где именно Тамара поставила своё кресло в вечер убийства.

Снаружи дом казался маленьким. Чтобы обойти его от улицы к двору, требовалось меньше минуты. Лидия не стала засекать.

Глава 4. Чужая мать

Галина Зорина жила в квартире с широким коридором, где даже закрытые двери казались приоткрытыми: из каждой щели шёл свет. У входа стояли две пары домашних тапочек разных размеров. Лидия не успела разуться, как хозяйка поставила перед ней меньшую пару.

— Эти подойдут. Большие у Кирилла пятка гнётся, я всё выбросить собираюсь.

— Спасибо.

— Вы с ним виделись? Он ел сегодня?

— Виделись. Булочки привёз.

Галина вздохнула так, будто речь шла о подтверждённом проступке.

— На булочках далеко уедешь. Проходите, у меня в комнате стол свободный.

Лидия пришла без Кирилла, по предварительной договорённости. Галина не возражала. Только попросила не звонить в домофон долго: он срабатывал с задержкой, и она слышала даже там, где у двери никто ещё не слышал. Теперь, закрыв за гостьей замок, снова проверила трубку домофона.

В комнате висели шторы, подшитые вручную. На спинке стула лежало пальто с распоротой подкладкой. Галина заметила взгляд Лидии и убрала пальто на диван.

— Ольгино. Там внизу всё стянуло. Она бы и так носила, это я придираюсь.

Она говорила спокойно, без той нарочитой бодрости, с которой люди иногда принимали следователя. Ей было шестьдесят шесть, но мелкие движения оставались быстрыми. Перед тем как сесть, она смахнула с обивки три короткие нитки и сложила их в пустую конфетную коробку.

Лидия объяснила цель разговора. Галина выслушала, сцепив пальцы.

— Я знаю про Павла. Кирилл сказал. Только он уже решил, что это тот самый. Вы ему объясните, что нельзя заранее.

— Объяснила. Сейчас мне нужно поговорить о Вере.

Галина посмотрела на окно.

— Что вы хотите знать?

— Когда она поселилась наверху в последний раз?

— В конце сентября. Не совсем поселилась — приезжала с сумкой. У неё там свои вещи оставались. Мы с сестрой так и жили: одна здесь, другая то здесь, то не здесь.

— Где она была до этого?

— В Вышнем Волочке. Работала. Я адрес дам, старый у меня записан. Только дом там не её был, она снимала. Хозяйка могла уже умереть.

— Вы с ней общались?

— Созванивались, когда удавалось. Письма она не любила. У неё голосом всё получалось лучше, чем на бумаге.

Галина усмехнулась. В этой короткой улыбке не было ни злости, ни положенного уважения к покойной.

— Вера могла по телефону за пять минут устроить целую жизнь. Ты положишь трубку и уже ждёшь воскресенья. А в воскресенье у неё что-нибудь менялось. Не всегда по её вине. Но мы-то ждали.

— Кирилл ждал?

— Все ждали. Я тоже. Она старшая была. Вы не думайте, будто я всю жизнь только обижалась. Когда отец болел, она приехала и всё на себя взяла. Я даже не знала, кому звонить, она знала. Потом он поправился, она уехала. У нас после неё ещё полгода дома порядок держался.

Лидия спросила о деньгах, собранных на ремонт. Галина перестала перекладывать пальцы.

— Вот с этого вы и начните у тех, кто работал.

— Начнём со всех. Вера собирала взносы?

— Да. От жильцов. Мы договорились лестницу переделать и двор привести в порядок. Тогда каждый боялся отдать сразу всю сумму. Вере доверяли, она записывала, кому сколько сдать. Потом началось: материал подорожал, привезли не то, рабочим нечем платить. И все к ней.

— Она распоряжалась расходами?

— Подрядчик распоряжался. Золотов. Вера передавала деньги, он обещал отчитаться.

— Почему именно она?

— Потому что я с людьми торговаться не умею. Тамара могла со всеми переругаться за один вечер. Наверху старик жил, ему бы тишины. А Вера... Вера умела сделать так, будто уже всё устроено. Ей нравилось быть той, которая решит.

Галина встала, подошла к комоду, открыла нижний ящик. Достала толстую записную книжку в клеёнчатой обложке.

— Это моя. Её бумаги вы тогда забрали. Что вернули — Кирилл потом у себя держал. Здесь я записывала, кому сколько должна. На ткань брала, возвращала. Ремонт тоже есть.

Она нашла нужную страницу. Столбик сумм шёл между заказами на юбки и адресом женщины из Твери. Внизу стояла фамилия Золотова.

— Можно копию? — спросила Лидия.

— Можно. Только верните книжку, у меня там до сих пор размеры. Старые клиентки обижаются, если заново меряю. Говорят, что, неужели так растолстела.

— Подрядчик отдавал вам расписки?

— Вере отдавал. Мне одну дал. Что мою часть получил. Она где-то есть, я поищу.

Лидия попросила сохранить всю тетрадь как есть, не вынимать страницы. Галина посмотрела с лёгким недоумением.

— Я зачем буду вынимать? У меня половина жизни в ней. Она и так еле держится.

Лидия не стала объяснять случаи, которые вспомнились. Записала согласованный порядок работы с книжкой и перешла к вечеру восемнадцатого октября.

Галина рассказала, что Золотов пришёл до темноты. Во дворе ещё оставался Павел. Они с Верой говорили громко, и она выходила попросить их не кричать. Потом Павел ушёл. Геннадий чинил внизу дверцу старого шкафчика: перекосило петлю, крышка цепляла край. Галина поставила ему ужин. Тамара заходила, пила чай, вернулась к себе.

— Кирилл где был?

— Со мной. То в комнате, то у Тамары. Он тогда простыл, не сильно, но я во двор не пускала. У нас весь вечер из-за этого пререкания были. Осень, грязь, а ему надо обязательно.

— Вы всё время находились на кухне с Геннадием?

— Нет. Я к Кириллу ходила. Зачем мне возле него сидеть? Он не маленький.

— Вы видели, как он уходил?

— Да. Через передний проход. Тамара ему что-то сказала, он посмеялся. Я ему банку дала забрать, он всё забывал. Тогда ремонт делали и банками брали, если ужином угостишь.

— Во сколько?

Галина медленно покачала головой.

— Было в деле записано. Я тогда сказала, сколько помнила. Сейчас начну по вашим глазам время угадывать.

Лидия записала ответ почти дословно.

— Как нашли Веру?

Галина отодвинула тетрадь. До этого она лежала перед ней, словно хозяйке требовалось держаться за чьи-то размеры и долги.

— Я поднялась. Она обещала спуститься, мы договаривались про завтрашний день. Не шла. Я сначала позвала с лестницы. Потом вошла.

— Через какую дверь?

— Из переднего прохода. В третью квартиру. Не из галереи.

— Дверь была заперта?

— Нет. Притворена. Вера так оставляла, когда дома. Вы это уже спрашивали.

— Я ещё не спрашивала.

Галина посмотрела на неё, будто впервые увидела возраст женщины напротив.

— Да. Простите. Тогда спрашивали.

Она опустила руки на колени.

— Я не сразу поняла, что она умерла. Лежит и лежит. Я думала, ударились. Села рядом, стала за плечо... Потом уже увидела. Не надо мне это подробно. Там записано, что я трогала, я ничего не скрывала.

— Хорошо. После вас кто вошёл?

— Тамара. Я её звала. Кричала, видимо, потому что Кирилл тоже выбежал. Тамара его не пустила. А я потом всё время думала, успел он увидеть или нет. Он отвечал по-разному. Сначала говорил, что не видел. Потом, что видел. Может, во сне ему снилось уже.

Лидия дала ей стакан воды. Он стоял на краю стола с самого начала разговора; Галина принесла два, свой так и не тронула. Теперь взяла, сделала глоток и поставила точно на влажный кружок.

— С Борисом она встречалась? — спросила Лидия, когда Галина подняла глаза.

— В тот приезд — да. Он приезжал. Они ругались. Там не только ремонт был.

— Из-за чего?

— Из-за денег. Из-за Кирилла. Из-за всего, что между ними было. Борис любил начинать с одного, а заканчивать тем, что она сама во всём виновата. Она потом старалась при мне смеяться. Получалось плохо.

— Он применял к ней силу?

— Да.

Галина сказала это без паузы.

— Вы видели?

— Один раз. Раньше, когда они ещё жили вместе. Остальное с её слов. И синяки видела. Только не записывайте, что я каждый синяк сама объяснила. Один раз она с велосипеда упала, я не поверила, потом сосед подтвердил. Мы тогда как раз...

Она остановилась и устало потёрла лоб.

— Вы поняли. Я могла ей не верить. И всё равно он её бил.

Лидия уточнила известный Галине адрес Бориса. Тот жил в Твери, с другой женщиной; Галина звонила ему после смерти Веры, потом ещё несколько раз по поводу Кирилла. Ближе они не стали.

— Вы не хотели, чтобы он общался с сыном?

— Я хотела, чтобы он приходил тогда, когда обещает. Дальше сам пусть решает. Кирилл взрослым стал — сам и решил.

Лидия убрала записи. Галина спросила, можно ли ей что-нибудь сделать для Марины Ракитиной. Лидия ответила, что сначала лучше дать той самой определить, хочет ли она разговаривать.

— Мы с её матерью потом почти не здоровались, — сказала Галина. — Я ведь тоже думала на Павла. Не говорила в глаза. Но это же видно. Человек не глупый, он замечает, когда ты через улицу переходишь.

Она поднялась проводить гостью. У комода остановилась и вынула из-под тетради маленькую фотографию. На ней две молодые женщины стояли у бревенчатой стены; одна смотрела прямо в объектив, другая смеялась, отвернувшись.

— Вот Вера. Которая серьёзная. Говорят потом: весёлая была, ветреная. А на всех фотографиях, где надо получиться, она серьёзная. Я рядом корчу что-нибудь.

Лидия подержала фотографию за края.

— В деле есть её снимки. Этот можете оставить у себя, пока не понадобится.

— Я не для дела. Чтобы вы хоть живой её увидели.

За дверью зазвонил домофон. Галина подошла, послушала и нажала кнопку.

— Кирилл, — сказала она. — Он за пальто Ольгиным. Я не успела, придётся объяснять.

Он вошёл через минуту, с белой полосой пыли на рукаве. Увидев Лидию, остановился в коридоре.

— Я помешал?

— Мы закончили, — ответила она.

— Хорошо. Мам, ты не торопись с подкладкой, она пока другое носит. Я иду мимо, решил спросить.

Галина принялась объяснять, что здесь не только подкладка, шов снаружи тоже тянет. Кирилл выслушал, снял куртку и пошёл ставить чайник. Лидия попрощалась у порога. Из кухни донеслось:

— Где у тебя кружка моя?

— Перед тобой. Ты её тридцать лет не видишь.

— Тридцать лет она место меняет.

Лидия закрыла дверь, стараясь не хлопнуть. Фотографию сестёр Галина оставила на комоде, прислонив к лампе; проходя, Кирилл повернул её к свету.

Глава 5. Папка с тесёмками

У старого дела было три начала.

Первое — короткое сообщение о смерти женщины. Второе — постановления, которыми меняли движение дела и исполнителей. Третье кто-то устроил много лет спустя: вложил впереди справку на двух страницах, чтобы следующий человек не тратил день на поиски основных сведений.

Лидия прочитала справку и отложила. В ней Вера была «потерпевшей», Павел — «лицом, местонахождение которого не установлено», остальные складывались в круг свидетелей, подтверждавших друг друга. Дом на приложенной схеме выглядел простым: общая лестница, проход, двери квартир. Всё помещалось на одном листе.

За этим листом начинались показания.

В первом протоколе Галина Зорина сообщала, что обнаружила сестру около половины десятого вечера. Позвала Тамару Лосеву. Та попросила другого жильца вызвать помощь; телефона в нижней квартире не было. До прибытия людей они ничего не переносили, кроме табурета, который мешал у входа. Галина брала Веру за плечо, пыталась приподнять.

Лидия сверила это с сегодняшним рассказом. Существенных новых подробностей Галина не добавила. Даже объяснение про табурет осталось почти тем же, хотя сама она его теперь не вспомнила.

В описании места Вера лежала в верхней западной квартире, у прохода из кухни в комнату. На столе были раскрытая тетрадь, чашка, пустая тарелка, пачка квитанций. Двери без следов взлома. Из комнаты можно было попасть в передний проход, из кухни — на дворовую галерею. Последняя была названа открытой.

Лидия провела пальцем по строке о галерее. Перед ней лежал план с закрытым длинным коридором. Она вернулась к дате справки, потом к дате протокола. Между ними было больше шести лет.

Разница не была скрыта. Её просто требовалось не проглотить вместе с удобным вступлением.

В материалах прежней экспертизы описывалась смертельная травма головы. Орудие не установлено; отдельной найденной и надёжно связанной с ударом вещи в деле не было. Время смерти не позволяло выбрать минуту внутри вечера. Лидия выписала пределы, а не среднее удобное число.

Поздний составитель справки поступил иначе: свёл показания о последнем появлении Веры и о находке в один промежуток. Получалось аккуратно. Лидия видела, где в эту аккуратность попал вывод вместо наблюдения.

В восемь с небольшим Тамара поднялась к Вере за лампочкой. Свою выкрутила, разбила, запасной не оказалось. Вера дала ей лампочку в картонной коробке, стоя у двери из переднего прохода. Тамара вернулась вниз. Дальше она была у себя, смотрела телевизор при открытой двери, слышала Галину и Геннадия Золотова в соседней квартире.

Павла она видела раньше, во дворе. Он спорил с Верой из-за расчёта. Слова запомнила не все, но одно записала уверенно: «Не отдашь — пожалеешь».

Лидия отодвинула чашку, чтобы не зацепить бумагу. Чай давно остыл. Угроза выглядела сильнее других строк, даже будучи выписанной чужой рукой тридцать лет назад. Такому слову легко было отдать всю следующую неделю работы.

Она открыла показания другого жильца. Тот слышал спор, но угрозу передавал иначе: «Я ещё приду, так не останется». Кто говорил, из его окна не было видно. О ссоре Павла и Веры он узнал от Тамары после обнаружения тела.

Лидия поставила рядом два листка. Один свидетель слышал и видел. Другой слышал, а имени получил позже. В справке они подтверждали одну угрозу.

На этом месте позвонил Денис.

— Ты сегодня дома ночуешь? — спросил он.

— Ночую.

— Тогда я суп весь не съем.

— Съешь, если голодный. Я у Ильи должна поужинать.

— А, точно. Он мне написал, чтоб я тебя не отвлекал.

— И ты позвонил?

— Я по делу. У меня зарядка в рюкзаке осталась у Лёхи. Можно я твою запасную возьму?

Лидия сказала, где лежит запасная зарядка, и попросила завтра забрать свою. Денис торжественно пообещал не допустить повторения, она ответила, что это уже слышала, и он рассмеялся.

— Позвони Илье сама, — добавил сын. — У него там что-то в духовке. Он написал «не отвлекай», а я понял, что он волнуется.

Лидия посмотрела на часы. Было почти девять.

— Позвоню.

Она действительно позвонила. Сказала, что задержалась и опаздывает не на полчаса.

— Еда дожждётся, — ответил Илья. — А я начинаю засыпать. Завтра с утра ехать.

— Я приеду.

— Тогда приезжай. Ты когда-нибудь была у меня просто так, без завершающей стадии рабочего дня?

Он спросил без злости. Именно поэтому готовый ответ не подошёл.

— В субботу были, — сказала Лидия.

— В субботу ты привезла вещи для стирки, у тебя машина сломалась.

— Но потом мы гуляли.

— Гуляли. Я не жалуюсь. Просто приезжай, пока горячее.

Она закрыла папку, потом снова открыла. Ещё два показания. Пять минут, которые не могли изменить весь вечер, но могли опять его съесть.

Геннадий Золотов сообщал, что после работы находился у Галины Зориной в нижней квартире. Чинил дверцу шкафа, ужинал, уходил через общий передний проход. К Вере после ссоры с Павлом не поднимался. С Павлом рассчитывался через неё, поскольку деньги работникам передавала уполномоченная жильцами женщина.

Лидия вернулась к Галинину протоколу. Там было сказано, что деньги на работы она сама передавала Золотову через сестру. О том, кто платил Павлу, Галина не знала.

Три направления движения денег укладывались в одну общую фразу: «расчёт через Веру». Для самого Павла это могло означать совсем другое, чем для подрядчика.

Лидия выписала вопрос, закрыла дело и убрала его в шкаф. Не стала оставлять развёрнутые страницы на завтра. В коридоре погасили часть света; у выхода дежурный поднял голову от телефона и пожелал ей спокойной ночи, словно наступала уже окончательная поздняя пора.

Илья открыл дверь в рубашке с закатанными рукавами. У него было лицо человека, который успел и расстроиться, и передумать, и заняться чем-то своим. На столе лежал разобранный светильник, рядом — тарелка, накрытая второй тарелкой.

— Разогреем, — сказал он.

— Я виновата.

— Ты голодная. Виноватую потом покормим отдельно.

Она сняла пальто. В зеркале у входа увидела, что на тёмном воротнике осталась белая пыль из дома. Стёрла её мокрой ладонью, только размазав.

Илья посмотрел и достал щётку.

— Стой. Так ты мне ещё стены вытрешь.

Он почистил ей воротник, отдал пальто в руки. Лидия повесила его сама и прошла на кухню.

Они ели запечённую рыбу с картофелем. Илья рассказывал про поездку: в небольшой школе под Тверью надо было наладить оборудование, которое когда-то поставили, показали по телевизору и забыли объяснить людям, как чинить. Он занимался такими системами давно, но всякий раз удивлялся новой форме одной и той же беды. Лидия слушала. Спросила, на сколько дней едет. Он ответил, и она впервые за вечер не стала прикидывать, куда поместить это между другими делами.

— Ты сейчас в доме с останками? — спросил он позже.

— Работаю с материалами.

— Это тот самый дом, про который все говорят?

— Наверное.

— Я не спрашиваю подробностей. Ты просто в суп потом соль не добавляй по числу плохих мыслей. В прошлый раз есть нельзя было.

Лидия улыбнулась.

— Это Денис солил.

— Разберётесь. Я пострадавшая сторона.

Она помогла вымыть посуду. Илья поставил чайник, достал две разные кружки, и они устроились в комнате рядом с разобраным светильником. Сидеть рядом, пока другой человек занят обычной работой, оказалось легче, чем торжественно проводить редкий свободный вечер.

Наутро Лидия пришла раньше Артёма. Вернулась к делу там, где остановилась, и прочитала показание Тамары целиком.

«Галина и Геннадий находились дома, из квартиры не выходили, потому что я сидела при открытой двери».

Ниже шли вопросы о ссоре, о деньгах, о Павле. Отдельного вопроса о дворовых выходах не было.

Лидия не стала сразу писать, что алиби ложное. Подчеркнула слова «потому что» на своей копии и рядом записала: «Где сидела; что видела; что слышала». Потом нашла дату следующего опроса Тамары. Тот проводился уже после начала ремонта.

Артём появился с фотографией Павла в прозрачном файле. Принесла Марина, попросила вернуть, когда можно будет. На фотографии молодой человек обнимал сестру за плечи и показывал в камеру какой-то дурацкий металлический кубок. Марина, совсем девочка, пыталась вырваться, но смеялась.

— Сказала, настоящего кубка у него не было, — сообщил Артём. — Из банки сделал. У них во дворе соревнования устроили, он всем проиграл и сам себе награду выдал.

Лидия подержала снимок, затем положила рядом с записью о последнем утре.

— Найди, с кем он работал в последнюю неделю. Не только Золотова. Всех, кто ещё жив.

— Уже ищу. Один в Старице, второй в Твери. Третий умер.

— И нужно выяснить, кто делал справку в начале этой папки.

Артём посмотрел на две страницы.

— Ошибка?

— Пока не знаю. Но я вчера прочитала её первой. Сегодня начнём с того, что под ней.

Глава 6. Незаконченный ремонт

Геннадий Золотов приехал раньше назначенного времени, чтобы не ждать.

Он так и сказал Артёму, когда тот встретил его у двери: приехал раньше, потому что потом занят, и если начнут откладывать, пусть ищут другую дату. Куртку Золотов не снял. В кабинете осмотрел стул, выбрал второй и сел, положив на колени мягкую папку с автомобильными бумагами.

— Я всё это уже рассказывал, — сказал он Лидии.

— Вижу. Уточним по тем рассказам.

— А чего уточнять? Дом старый, лестница старая. Люди тогда где угодно жили. Мог человек в подпол залезть, там и остаться. Теперь ремонтники нашли — я виноват?

— Вас вызвали не отвечать за устройство старого дома. Вы работали в нём в девяносто шестом.

— Работал. Помогал жильцам. Никакой фирмы, как сейчас пишут, у меня тогда не было.

— Кто пишет?

— Да все. Позвонили мне, уже «подрядчик». Слово-то какое. У нас тогда всё по рукам, по соседям.

Лидия спросила, кто ещё был в бригаде. Золотов назвал Валентина Осипова и Леонида Баранова, Павла добавил третьим, помедлив перед фамилией. Николай Лазарев приходил на отдельные работы, постоянно с ними не был. Ракитин тоже работал непостоянно: приходил, уходил, мог на другой заработок отлучиться.

— Кто ему платил?

— Вера. Она собирала деньги.

— Вы давали ей сумму на расчёт?

— Иногда я, иногда сразу жильцы. Там общего кошелька не было, чтоб вам сейчас выписку сделать.

— Но деньги на материалы вы получали?

— Получал. Покупал.

— Расписки выдавали?

— Когда просили.

Он вынул из папки водительское удостоверение, посмотрел, зачем-то переложил в другой карман. Лидия ждала. Золотов раздражённо закрыл папку.

— Я вам старые чеки не принёс, если об этом. Тридцать лет прошло.

— Я об этом ещё не спросила.

— А что вы спросите? Я людей ваших знаю. Начинается с «давайте вспомним», а потом подавай бумагу, которую тогда мыши съели.

— Давайте вспомним вечер восемнадцатого октября.

Он усмехнулся, будто она подтвердила его правоту.

Золотов помнил ссору Павла с Верой. Стояли во дворе, Павел требовал деньги. Говорил, что не уйдёт. Вера в ответ обвиняла его в каких-то недоделках. Сам Геннадий вмешался, велел молодому человеку не орать возле жилья. Тот ушёл.

— Вы слышали угрозу?

— Он весь орал. Какая вам одна угроза нужна?

— Та, которую вы сами слышали.

Золотов постучал пальцем по папке.

— «Ты со мной ещё рассчитаешься». Это точно было.

— В старом показании у вас нет этих слов.

— Может, не записали.

Лидия положила перед ним копию. Он не наклонился, только придвинул лист двумя пальцами.

— «Не уйду, пока не отдашь». Я так и говорю.

— Сейчас вы сказали иначе.

— Смысл тот же. Вы к словам будете цепляться?

— Мне нужны ваши слова, а не общий смысл ссоры.

Он оттолкнул лист обратно. Лидия убрала копию в папку. Не стала продолжать спор о единственной фразе, хотя видела, как Золотов ждёт следующего замечания. Вместо этого спросила, как он попал к Галине.

— Она позвала дверцу глянуть. Я обещал давно. Петля вылезала. Ну, сделал, она на стол поставила. Я поел. Сидели, говорили.

— Кто сидел?

— Галина. Тамара заходила. Мальчишка бегал. Я вам сейчас по часам не нарисую.

— К Вере после этого поднимались?

— Нет. Зачем?

— Разговаривать о расчёте, например.

— Мы днём говорили. Я ей сказал, что всё по материалам принесу. Она женщина была... особенная. Сегодня одно, завтра другое. Павлу обещала, а денег ещё нет. Потом я виноват, что работы стоят.

— Она хотела посмотреть ваши расчёты?

— Хотела. Я принёс. Дальше вы у неё спросите.

Он посмотрел на Лидию и отвёл глаза. Не от стыда; скорее проверял, вызовет ли фраза ожидаемую реакцию. Лидия не дала её.

— Что именно принесли?

— Листы. Что купил, что заплатил. Она у себя сложила.

— Осталось в деле. Посмотрим отдельно.

Золотов кивнул, словно вопрос был закрыт навсегда.

Время ухода он помнил приблизительно. После девяти, до того, как нашли Веру. Пошёл через общий вход, Тамара его видела, Галина провожала. О смерти узнал уже дома. Кто сообщил, теперь сказать не мог: то ли позвонили соседям и позвали его, то ли утром пришёл человек.

— На следующий день вы работали в доме?

— В субботу? Да. Не все. Подготовка шла.

— Что делали?

— Лестницу готовили менять. Угольную камеру убрали, проёмы. Всё старое, вы понимаете? Тут вот доску вынул, она в руках рассыпалась. Я тогда говорил, надо сразу нормально делать, а люди денег жалели.

— Что значит «камеру убрали»?

Золотов впервые оживился. Положил папку на соседний стул и показал ладонями высоту.

— Зауток под лестницей. С торца уголь подавали, там дверца. Потом уголь перестали держать, внутри мусор. Мы собирались засыпать, основание выровнять, чтобы под новой лестницей не проваливалось. Ничего особенного. Такие полости по старым домам через одну.

— Когда засыпали?

— Не в субботу. Позже. С понедельника, кажется. Грузовик щебня приходил, вот когда он был, тогда и делали.

— Вы осматривали камеру перед засыпкой?

Золотов поджал губы.

— Осматривал снаружи. Лезть туда зачем? Там места мало. Проём открыли, убедились, что ничего нужного не осталось.

— Кто убедился?

— Люди. Ребята работали.

— Назовите.

Он повторил две фамилии. Павла на этот раз среди них не было.

— В субботу он за расчётом приходил?

— Ко мне — нет.

— К кому-то ещё?

— Не знаю. Если Вера ему деньги оставила, мог к сестре её пойти. У них там всё общее было.

Лидия попросила подробнее объяснить, что было общим. Золотов рассердился: деньги, договорённости, квартира, всё. На уточняющий вопрос признал, что квартиры у сестёр были отдельные, деньги тоже не всегда вместе. Откинулся на спинку стула и шумно выдохнул.

— Вы меня сейчас по одному слову поймаете, и что? Человек погиб, понимаю. Но у меня своя жизнь. Мне шестьдесят семь, я не помню, какой рукой дверь открыл. А вы запишете — в девяносто шестом иначе говорил.

— Поэтому мы и отделяем то, что вы помните, от того, что предполагаете.

— Хорошо. Пишите: предполагаю, что расчёт был у Веры. Довольны?

— Нет. Мне нужно понять, на чём вы это предполагаете.

Он посмотрел на Артёма, до сих пор почти молчавшего у другого стола.

— Вы хоть объясните ей, как тогда работали.

— Мне тогда год был, — сказал Артём. — Так что с вашей помощью придётся.

Золотов на секунду растерялся, потом хмыкнул. Напряжение изменилось: он уже не мог призывать второго мужчину в свидетели общего опыта.

После разговора Лидия попросила его проехать к дому и показать доступ в камеру, не приближаясь к ограждённой части. Он согласился сразу, будто там наконец можно было говорить о понятных вещах.

Во дворе их встретил Андрей. На столе у стены сохли несколько деревянных образцов, не связанных с находкой: он с рабочими проверял участки для последующего ремонта. Золотов поднял один, повертел и положил обратно.

— Сосна. Тут всё на сосне. Вы им лишнего не насчитайте.

— Мы ещё не считали по всему дому, — ответил Андрей.

— Вот я и говорю.

Кирилл стоял в стороне, разговаривал по телефону. Увидев Золотова, коротко кивнул и отвернулся к стене. Тот окинул его взглядом.

— Вырос. Весь в отца.

— Покажите, где была дверца, — попросила Лидия.

Золотов пошёл к восточному торцу. Нынешняя небольшая пристройка закрывала прежний подход. На одной стене оставался участок старой кладки с тёмным пятном у земли. Геннадий показал значительно левее этого пятна.

Андрей достал свою схему.

— Здесь, по вашему мнению?

— Здесь. Или чуть ближе. Пристройки не было, вы сами видите.

— А загрузочное отверстие?

— Над дверцей, сбоку. Продух ещё был. Чтоб не прело. Вы под лестницу-то залезали?

— Я работал в разрешённой мне части. Полость фиксировали другие специалисты.

— Ну вот. У них спросите. Я чего тут изображаю?

Лидия попросила показать, куда складывали вынутый мусор, где держали щебень, откуда подъезжала машина. Золотов отвечал охотнее, пока вопросы касались размеров и направле-

ния. Дважды сам себя поправил: там, где теперь стоял забор, раньше был проезд; нынешний соседний сарай он принял за прежний, потом вспомнил, что тот сгорел значительно позже.

Андрей не отмечал поправки торжественно. Просто менял положение карандаша на своём листе. Лидия видела, как Золотов постепенно перестаёт следить за её лицом и начинает спорить с самим двором.

— Здесь кирпич лежал, — сказал он. — Красный, с разборки. На подкладках. Нельзя было всё сразу в яму бросить, сначала дверь снизу делали...

Он остановился.

— Какую дверь? — спросил Андрей.

— Которая старая. В доме. У них там этих дверей...

Золотов повёл рукой и не договорил.

— Покажете на схеме? — предложила Лидия.

Он посмотрел на рисунок, постучал пальцем в нижней западной части.

— Там. Только я число вам не скажу. Всё в один ремонт.

Лидия записала. Андрей повернул лист так, чтобы север снова оказался наверху. Золотов поморщился: ему было удобнее смотреть со стороны двора, где он стоял.

Кирилл закончил разговор, подошёл и спросил:

— Вы к нам потом ещё приезжали?

— Когда?

— После ремонта. Я вас помню. Вы у мамы что-то забирали.

— Банку, наверное. Она вечно меня посудой снабжала.

— Не банку. Листы какие-то.

— Бумаги свои мог забрать. Ты маленький был, что ты разберёшь.

Кирилл посмотрел на него спокойно.

— Я поэтому и спрашиваю.

Золотов застегнул куртку.

— Спросили. Всё, мне ехать надо. Если ещё нужно, заранее звоните.

Он ушёл через калитку, не попрощавшись с Андреем. Кирилл остался у стены.

— В детстве он мне нравился, — сказал он. — У него всегда инструмент был интересный. А сейчас будто тот же человек, только говорить уже не хочется.

Андрей сложил схему. На ней было отмечено три возможных положения старого доступа в камеру. Ни одно ещё нельзя было принять по уверенности человека, который однажды засыпал её кирпичным боем.

Глава 7. Сын Веры

Коробки Кирилл привёз в мастерскую на маленькой тележке. Они промокли по углам, хотя дождя в тот день не было: в машине подтекала канистра, которую он возил для уборки. На одной коробке расплылось слово «мама».

— Самое время так облажаться, — сказал он.

Андрей помог снять верхнюю коробку, поставил на сухие рейки. Кирилл разрезал ленту, проверил дно. Внутри всё оказалось сухим. Он постоял, держа в руке нож, потом сложил лезвие.

Лидия приехала через несколько минут. Они договорились посмотреть бумаги, возвращённые семье после прежнего расследования. Кирилл не хотел нести всю груду в кабинет, а у Галины раскладывать было негде: она бы сразу начала перебирать вместе с ним, искать своё и убирать то, что ему пока требовалось оставить на виду.

— Это не всё Верино, — предупредил он. — Тут и дедово, и мои школьные. Когда верх продавали, складывали без разбора. Я потом обещал пересмотреть. Так и возил с места на место.

— Кто складывал?

— Мама, Галина. Я помогал. Дверь разобрали, через комнату проход сделали, надо было освобождать. Зоя Васильевна позволяла долго держать, потом уже неудобно стало.

Андрей поставил стол возле окна. Принёс чистую ткань под бумаги, освободил стулья. Затем ушёл в другую комнату к рабочему: Кирилл попросил его не участвовать в семейном разборе, и тот не сделал вид, что просьба не нужна.

В первой коробке лежали альбомы, несколько учебников, металлическая коробка из-под печенья. Кирилл открыл её и рассмеялся. Внутри были школьные значки, гайки, две засохшие батарейки, пластмассовый солдатик без головы.

— Моё богатство. Это я не Веру сейчас поминаю, вы не подумайте.

— Я поняла.

Он высыпать ничего не стал. Закрыв крышку и отодвинул коробку подальше от документов.

Бумаги оказались во второй коробке. Обычные конверты, школьные грамоты, листы с расчётами. Несколько пачек ещё сохраняли старые бумажные обёртки, которыми их вернули. На одной фамилия Веры была написана крупно, на другой — почти неразборчиво. Кирилл протянул их Лидии, не раскрывая.

— Давайте сначала так. Я в них не лазил. Правда.

— Сейчас посмотрим вместе и отметим, что вы передаёте. Вам останутся копии.

— Мне, наверное, всё не нужно.

— Не решайте сразу.

Кирилл пожал плечами. Они начали с обёрток. Лидия сверяла надписи, описывала пачки, только потом раскрывала. Внутри нашлись расходные записи, короткие расписки, несколько писем, не связанных с ремонтом. Части листов в старом деле соответствовали копии, части ещё предстояло искать.

— Это её почерк, — сказал Кирилл, увидев широкий наклонный заголовок.

— Вы помните?

— Да. Она мне записки оставляла. Большими буквами, как в афише. «Буду в воскресенье». На холодильник лепила.

Он взял из другой пачки пустой конверт, повертел и положил.

— Я их не сохранил. Сейчас все думают, если мать умерла, у ребёнка каждая бумажка становится драгоценностью. У меня нет. Я потом её вещи даже выбросить хотел. Мама не дала.

— Когда?

— Лет в четырнадцать. Мне отец тогда что-то сказал, я разозлился. Что он сказал, уже не помню. Может, что она сама так жила. С ним всегда получалось, что виноваты остальные.

Лидия спросила, общается ли он с Борисом сейчас.

— По праздникам. Не по всем. Он знает про мастерскую, приезжал смотреть. Советы давал. Денег не предлагал, я не просил.

— О Вере разговаривали?

— Нет. Точнее, он начинал, я сворачивал. У него она всегда одна и та же: сначала хорошая, потом кто-то её испортил. В зависимости от того, что он хочет от меня получить, меняется виноватый. Я эту историю слышать больше не могу.

— Какой она была для вас?

Кирилл посмотрел на Лидию настороженно.

— Вы спрашиваете для дела?

— В том числе. Но вы можете не отвечать на то, что сейчас не хотите обсуждать.

— Я уже не знаю, что сам помню, а что мне рассказали.

Он взял из альбома фотографию, на которой мальчик стоял рядом с женщиной у воды. Лица получились маленькими, больше места занимали небо и берег.

— Это мы. Мне восемь, наверное. Она приехала и повела меня гулять. Я помню, что хотел мороженого. Она купила не то. Вроде дрянь — какая разница, теперь-то. А я помню, как обиделся. Она расстроилась, я видел, но всё равно надулся. Потом она уехала. И я уже не знаю, в тот день или через три дня. Всё в один кусок слиплось.

Лидия не стала говорить, что дети имеют право обижаться. Кирилл рассказывал не для разрешения на свою детскую обиду.

— Перед её смертью вы с ней разговаривали?

— Да. Жила наверху, я к ней ходил. Она мне книжку привезла про корабли. Я тогда хотел всё строить, что плавает. Сейчас столы делаю. Тоже вода мешает, если лак плохой.

Он улыбнулся и спрятал фотографию обратно.

— День, когда её нашли, вы помните?

— Кусками. Крик. Тамару в дверях. Мама, Галина, руки моет. Я тогда не понял, почему так долго. Потом приехали. Я сидел у Тамары и крутил колесо от машинки. Все считают, что я обязательно что-то видел. Не видел. Я слышал, как взрослые потом объясняли.

— Вы тогда давали показания. Мы их прочитаем, но заставлять вас узнавать каждую фразу не будем.

— Спасибо. Я не хочу заново стать главным свидетелем, потому что был ребёнком в этом доме.

Лидия кивнула и вернулась к бумагам. Кирилл ещё немного подержал альбом на коленях, затем отложил его на край стола.

В расходной тетради нашли две страницы, исписанные другим почерком. Кирилл подумал, что это Золотов, но сразу оговорился: подпись его помнит, текст — нет. Лидия отметила предположение, не превращая в установленное авторство.

— Он вчера сказал, что вы тогда маленьким были, — произнесла она.

— Да. Он так всегда говорил. Даже когда я вырос. Удобная фраза, сразу ни за что отвечать не надо.

— Вы вспоминали, как он забирал бумаги у Галины.

— Вспоминал. Но когда это было — не скажу. После смерти Веры, по-моему. Я тогда ходил на занятия во вторую смену, пришёл, а он у стола. Мама листы перебирает. Может, он вообще что-то своё принёс. Я не хочу вам лишнего навывдумывать из злости.

Из соседней комнаты послышался стук. Андрей попросил рабочего переставить опору; тот ответил, что мешает провод. Несколько минут они возились, и Кирилл машинально поднял

голову, слушая. Дом всё-таки оставался местом его работы. Пока Лидия разбирала прошлое, у него нынешний день уходил вместе с деньгами.

— Вы можете идти, если нужно, — сказала она. — Передачу закончим, остальное потом.

— Нет. Я останусь. Просто мне сегодня заказчик отказал. Шкаф хотел к ноябрю, а у меня всё в коробках. Могу в другом месте собрать, но он уже нашёл. Я сижу и думаю о шкафе, пока мы про мать. Неприлично как-то.

— Вы не обязаны всё остальное перестать делать.

— Я и не перестал. От этого легче не стало.

Кирилл подписал необходимые бумаги, посмотрел на отделённые для работы документы. Их получилось меньше, чем он ожидал. Вся гора коробок обещала если не ответ, то большое событие. На деле важное уместилось в одну небольшую стопку.

На дне второй коробки лежала записная книжка с выцветшим цветком на обложке. Лидия раскрыла её вместе с Кириллом. Первые страницы занимали адреса. Потом шли суммы, названия материалов, даты поездок. В конце — несколько строк для себя, без заголовка.

«Отдать Гале. Вернуть Т. И. Остальное после расчёта».

Кирилл прочитал и вздохнул.

— Вот что от человека осталось. Всем должна.

— Эта запись сама по себе не говорит, что она присвоила деньги.

— Я знаю. Мне всё равно так видится.

Лидия попросила не убирать остальные коробки в сырое место и не пытаться склеивать распадающиеся листы. Кирилл обещал. Он отнёс документы, которые оставались у него, на сухой верхний стеллаж. Детскую коробку с гайками хотел сунуть туда же, но передумал и поставил на верстак.

С улицы пришла девочка в жёлтой куртке. Остановилась у входа, внимательно прочитала объявление и заглянула внутрь.

— Пап, мне можно?

— На эту сторону. За ленту не ходи.

Соня прошла к отцу и посмотрела на Лидию.

— Ты следователь?

— Да.

— Папа говорит, ты выясняешь, что раньше было.

— Пытаюсь.

Девочка кивнула, будто именно такая работа и полагалась взрослому человеку при подобном беспорядке. Потом увидела металлическую коробку.

— Это твоё?

— Моё.

— Можно посмотреть?

Кирилл открыл крышку. Соня вынула солдатика, повертела, поставила на стол. Он упал. Она попробовала ещё раз, подперла его гайкой, и теперь он стоял.

— Починила, — сказала она.

— Не совсем, — ответил отец.

— Стоит же.

Лидия попрощалась. У двери Андрей спросил, всё ли они закончили, и Кирилл попросил подождать ещё минуту: Соня уже выбрала себе два значка, надо было объяснить, почему третий он пока хочет оставить.

По дороге к машине Лидия достала телефон. От Ильи пришла фотография мокрого двора с короткой подписью: «Свет опять заработал раньше чайника». Она ответила про чайник, потом открыла номер Артёма.

— У Веры были бумаги о долгах жильцам, — сказала она. — Нужно выяснить не просто сколько, а кому она уже вернула и из каких денег. И отдельно — кто заявлял, что она всем должна.

— Золотов?

— Не только он. Не начинай с готового ответа.

Лидия посмотрела на окна мастерской. Кирилл стоял у стола, наклонившись к дочери. На его ладони блестел маленький металлический значок, который девочка никак не хотела отдавать.

Глава 8. Тот берег Тверцы

Вечером Марина не пошла домой привычной дорогой.

Она свернула к реке, перешла на другую сторону и ещё несколько минут стояла у воды, не решаясь набрать номер. Рядом мужчина в яркой куртке пытался снять на телефон крышу за деревьями. Отходил назад, приближался, поднимал руку; крыша каждый раз пряталась за ту же ветку. Марине захотелось сказать ему, что надо пройти левее, но она промолчала.

Номер Юры Ковалёва ей дала общая знакомая. «Он машины делает, у него всё время руки заняты. Не возьмёт — перезвони».

Юра ответил сразу.

— Ракитина? — переспросил он. — Маринка, что ли?

— Она.

— Да ты что. Сколько лет. Как ты?

— Мне про Пашку поговорить надо.

Он перестал улыбаться в трубку.

— Я слышал.

— Я поэтому и звоню. Ты можешь сейчас?

— У меня человек. Через сорок минут. Ты где?

Марина назвала место. Юра предложил подъехать, но она сказала, что сама дойдёт. Нужно было куда-то идти, а не стоять и смотреть на чёрные полосы в воде.

Она помнила его худым, с красным пятном на шее, которое выступало, когда он сердился или смущался. Теперь у ворот мастерской её встретил большой мужчина с седой щетиной. Красное пятно осталось, только скрылось под воротником толстого свитера.

— Я бы тебя узнал, — сказал он.

— А я тебя нет.

— Спасибо. Проходи.

Внутри пахло резиной и нагретым металлом. Машина стояла с открытым капотом. На верстаке — кружка, накрытая старой пластиковой крышкой, чтобы не летела пыль. Юра принёс второй стул, смахнул с него тряпкой и поставил возле маленького обогревателя.

— Тебе чай?

— Нет.

— У меня в пакетиках. Ничего хорошего.

— Тогда точно нет.

Он рассмеялся и сел напротив.

Марина спросила, когда он в последний раз видел Павла. Юра задумался. Вспомнил разговор у магазина, поездку к знакомому за инструментом, какую-то драку, к которой Павел, возможно, вообще не имел отношения. Когда дошёл до осени девяносто шестого, махнул рукой.

— Мне тогда милиция столько вопросов задала, что я потом сам уже не понимал, где какой день. У меня записывали. Лучше там посмотри.

— Там и посмотрят. Я не вместо них пришла.

— А зачем?

Марина открыла рот и закрыла. Он спросил без вражды, но вопрос попал точно в то место, которое она обошла по дороге.

— Я хочу понять, собирался он уехать или нет.

— Собирался. Он всегда собирался.

— С вещами?

— Ну не с диваном же. Марин, ему двадцать один был. Нам всем казалось, что в другом месте деньги на дороге лежат. Только доехать надо. Он говорил про Москву, про стройку. Я тоже говорил. А сам вон здесь.

— Деньги у него были?

Юра посмотрел на свои ладони. На большом пальце расплылось тёмное масляное пятно, которое он тёр и только увеличивал.

— Иногда были. Он не умел держать. Получит — всем хорошо. Потом занимает. Я ему давал. Он отдавал, потом опять. Не святой он был, ты же помнишь.

— Я не говорила, что святой.

— А я не говорю, что ты говорила.

Они помолчали. За стеной включился компрессор, разговор пришлось прервать. Юра сходил выключить, хотя машина, кажется, ещё требовала работы. Вернувшись, не сел сразу.

— Ты думаешь, я мог что-то знать и не сказать?

— Я думаю, ты был его другом.

— Был. Только это не значит, что он мне перед каждым шагом докладывал. У него характер был: пока похвастаться нечем, молчит. А когда есть — уже не остановишь.

Марина усмехнулась. Это она помнила. Павел мог весь вечер рассказывать, как дёшево купил часы, и потом обидеться, если кто-то замечал, что стрелка отстаёт. Он сразу начинал чинить их, разобрав половину механизма на кухонном столе.

— Он говорил про Веру? — спросила она.

— Говорил, что она должна. Потом, что не она одна. Я не вникал. У меня свои деньги тогда сторели в одном деле. Мы все ходили и считали чужие долги.

— «Не она одна» — ты это точно помнишь?

Юра наконец сел.

— Нет. Давай про это не будем, Марин. Я уже не разберу, чего он сказал, а чего я.

Марина почувствовала злость. Ей хотелось, чтобы Юра рассказал, каким брат был накануне исчезновения. Юра же отступал за годы, за милицейские вопросы, за неопределённое «все». Она увидела, как он защищается, и поняла, что сидит перед ним почти так же, как когда-то сидели чужие люди перед её отцом.

— Ладно, — сказала она. — Прости. Я действительно не вместо них.

— Номер мой дай. Пусть позвонят. Я никуда не прячусь.

Он спросил про родителей. Марина назвала годы. Юра опустил голову, потом сказал, что знал про отца, а про мать не слышал. Это было обычное, неловкое место разговора двух людей, которые давно перестали встречаться. Они пережили его без правильных слов.

У ворот Юра полез в карман, вытащил старую связку ключей, отцепил один.

— У меня от вашего сарая до сих пор. Мы там инструмент держали, Пашка дал. Я всё хотел вернуть.

Марина посмотрела на ключ. Не от квартиры, которой ждала мать; короткий, толстый, с насечкой на круглой головке. Сарай продали вместе с родительским жильём много лет назад, замка там, наверное, давно не было.

— Оставь, — сказала она.

— Зачем мне?

— Не знаю. Мне тоже незачем.

Юра подержал ключ на ладони и вернул на кольцо.

На обратном пути Марина позвонила Лидии. Не стала рассказывать весь разговор, только сказала, что нашла старого друга брата и передала бы номер.

— Он согласен говорить? — спросила Лидия.

— Да. Только вы не ждите, что он помнит всё до слова.

— Не жду.

— А я, кажется, ждала.

Лидия записала номер. Попросила больше не пересказывать другим свидетелям уже услышанные версии: пусть каждый сначала расскажет своё. Марина не обиделась. Впервые за день просьба была выполнимой.

Дома муж сидел перед телевизором с выключенным звуком. У него на коленях лежала кошка, и он держал обеими руками её передние лапы, чтобы она не сползла. На столе ждали две тарелки.

— Не сняла куртку, а уже смотришь, что я не убрал, — сказал он.

— Я на кошку смотрю. Она у тебя сейчас спину ломает.

— Ей нравится.

Кошка открыла один глаз и вытянула шею. Марина взяла её, поставила на пол. Животное оскорблённо ушло в спальню.

— Где была? — спросил Вадим.

— У Пашкиного друга. У Юры Ковалёва.

— И как?

— Толстый стал.

Вадим подождал продолжения, потом кивнул и встал разогревать ужин. За это Марина была ему благодарна больше, чем за любые слова о брате. Он не заставлял её немедленно отдавать сегодняшний день в разговор.

После еды она достала материнскую папку. Обычная синяя папка на завязках, с треснувшим углом. Внутри лежали обращения, ответы, копии объявлений о розыске, фотографии, тетрадные листы. Мать складывала всё по годам, но последние пачки перемешались. Письма с просьбой проверить возможное место работы Павла сменялись квитанциями за свет; рядом с ответом лежал рецепт пирога, написанный рукой женщины, которой Марина уже не могла позвонить.

Она сидела на полу, потому что на столе было мало места. Вадим принёс большой поднос, положил рядом. Марина передвинула бумаги на него и вдруг расплакалась из-за этого подноса: мать держала такой же на шкафу и доставала только к гостям. Муж не спросил, почему именно сейчас. Сел на край дивана, дождался, пока она высморкается.

— Мне всё им отдать надо, — сказала Марина.

— Отдадим.

— А я сама не читала. Представляешь? Мама девять лет как умерла, а я всё не читала.

— Ты знала, что там.

— Нет. Я думала, знаю.

Вадим взял пустой пакет, развернул, посмотрел на слишком мягкое дно и ушёл за коробкой. Марина продолжала перебирать, не меняя порядок внутри пачек. На одном листе увидела Пашкины крупные цифры. Он считал деньги столбиком, как в школе, ставил знаки слишком далеко от края. Мать сохранила даже это.

Марина не стала выбирать, какой лист важнее. Вернула его туда, где нашла. Отдельно положила записку для Лидии с номером Юры и пояснением, что уже разговаривала с ним сама.

Утром Вадим предложил подвезти. Она согласилась, хотя идти было недалеко. Коробка оказалась неудобной, у неё резало пальцы под сгибом. В машине держала её на коленях обеими руками.

Лидия приняла бумаги при ней. Марина попросила копии: не потому, что боялась потери, а потому, что теперь хотела сама прочитать всё, что мать писала после исчезновения сына. Лидия сказала, как это можно устроить.

— Только не рассказывайте мне заранее, если там окажется что-то неприятное, — попросила Марина. — Не делайте отдельный вступительный разговор. Я сама прочту.

— Хорошо.

— Это не значит, что я ничего не боюсь.

— Я не решила, что вы не боитесь.

Марина посмотрела на неё, устало улыбнулась и пошла на работу. У входа в пункт выдачи уже стояли двое. Женщина с маленькой тележкой спросила, почему закрыто, раз на двери написано с девяти.

Было без пяти. Марина показала на часы, достала ключ и впустила её первой.

Глава 9. Неоплаченная поездка

Борис Левшин не хотел ехать в Торжок и не стал это скрывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.